

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ АЛЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ЗНАНИЙ

Музафарова Л. У.,

*старший преподаватель Самаркандского государственного
института иностранных языков*

Ключевые слова: *интертекстуальность, гипертекст, аллюзия, прецедентный текст, структуры знаний*

В современной филологии прочно утвердился тезис о том, что всякий текст, в первую очередь художественный, следует трактовать как интертекст [Барт 1989: 15]. Интертекстуальность представляет собой многоплановое понятие и может рассматриваться, как на глобальном (семиотическом), так и локальном (языковом) уровнях. Применительно к художественному тексту, интертекстуальность подразумевает наличие в любом тексте прямых и косвенных отсылок к конкретным предтекстам, или прецедентным текстам [Безруков 2005: 3].

Одним из наиболее распространенных и, в то же время, одним из наиболее сложных для изучения приемом формального выражения интертекстуальности считается аллюзия [Ильин 1989: 200]. М.М. Бахтин считал аллюзию одним из механизмов межтекстовых связей [Бахтин 1986: 117]. В настоящее время среди исследователей отсутствует консенсус относительно определения феномена аллюзии. В самом общем понимании, аллюзию описывают как ссылку, явное указание или отчетливый намек на известный литературный текст. Нам кажется, что такая дефиниция носит слишком общий характер, поэтому полагаем возможным придерживаться определения аллюзии как "заимствования отдельных элементов предтекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте" [Фатеева 2007: 89]. Элементы, благодаря которым происходит отсылка к прецедентному тексту и, соответственно, его узнавание, называют маркерами, или репрезентантами

аллюзии, а сами прецедентные тексты считаются денотатами аллюзии [Войченко 2011: 120].

Обзор работ, затрагивающих феномен аллюзии, обнаруживает, что исследовательский интерес привлекают, прежде всего, вопросы обнаружения аллюзий и прецедентных текстов, интерпретации аллюзивных фрагментов и текстов; в меньшей степени, обращается внимание функциональный аспект аллюзивных текстов [Васильева 2011] или прагматическую составляющую аллюзии, например в рекламе [Войченко 2011].

Мы полагаем возможным рассмотреть аллюзию в лингвокогнитивном аспекте, а именно в качестве способа актуализации определенной структуры знаний. Рабочей гипотезой является предположение о возможности расширения границ прецедентного за строгие рамки того или иного фрагмента текста. Как следствие, денотатом аллюзии следует считать структуру знаний, которая актуализируется посредством аллюзии в тексте-реципиенте. Считаем, что настоящее исследование позволит также высказать предположение о функциональном аспекте аллюзии в когнитивном плане.

Целью настоящей статьи является уточнение способов обнаружения и интерпретации интертекстуальной аллюзии в пространстве художественного текста. Мы исходим из положения о том, что в тексте содержатся некие указатели, маркеры, которые ориентируют читателя на идентификацию прецедентного текста и адекватное понимание аллюзивной

структуры. Вместе с тем, полагаем необходимым уточнение роли аллюзии в художественном тексте не только с филологической, но и с когнитивной точек зрения. Привлечение когнитивного подхода мы считаем необходимым в силу того обстоятельства, что идентификация аллюзии представляет собой, на наш взгляд, не только простое "узнавание" прецедентного текста, но и его переосмысление, что требует активации когнитивных структур мышления.

Материалом исследования служит повесть Дж.Д.Сэлинджера "Franny", входящая в т.н. "цикл о Глассах", который рассказывает о братьях и сестрах семьи Глассов, необычайно одаренных и очень тонко чувствующих. Сам цикл представляет собой сложную литературно-философскую композицию, построенную на внутренних и внешних связях, насыщенную интертекстуальными связями, в частности отсылками к библейским сюжетам, древнеиндийской литературе, французской и русской литературе. Сюжетом повести является встреча Фрэнни Гласс со своим молодым человеком Лейном Кутелем во время коротких студенческих каникул. Анализируемый фрагмент, содержащий аллюзию на прецедентный текст, содержит разговор Фрэнни с Лейном в кафе, в течение которого обсуждаются различные вопросы, в т.ч. личного, литературоведческого и религиозного характера. Прецедентным текстом мы считаем роман Гюстава Флобера "Госпожа Бовари" (Gustave Flaubert "Madame Bovary"), содержащий известную сцену на сельскохозяйственной ярмарке.

Сцена в кафе "У Сиклера" (Sickler's) начинается с пространной речи Лейна, в которой он хвастает своими достижениями в учебе, в частности критическим эссе о творчестве Гюстава Флобера, за которое он получил высокую оценку, ср.:

"... I honestly thought it was going to go over like a goddam lead balloon, and when I got back this goddam 'A' on it in letters

about six feet high, I swear I nearly keeled over."

"Why?" she asked.

Lane looked faintly interrupted.

"Why what?"

"Why'd you think it was going to go over like a lead balloon?"

"I just told you. I just got through saying. This guy Brughman is a big Flaubert man. Or at least I thought he was" [Salinger 1982: 183].

Полагая, что смог понять, почему Флобер так тщательно подбирал слова в своих произведениях, Лейн считает, что его эссе достойно быть напечатанным, ср.:

"This guy Brughman thinks I ought to publish the goddam paper somewhere," he said abruptly. "I don't know, though."

... "I mean critical essays on Flaubert and those boys are goddam dime a dozen." He reflected, looking a trifle morose.

"As a matter of fact, I don't think there've been any really incisive jobs done on him in the last —" [Salinger 1982: 184].

Упоминание творчества Гюстава Флобера, впрочем, без уточнения произведения, может служить, по нашему мнению, не столько способом индикации прецедентного текста, сколько сигналом для актуализации определенной когнитивной структуры. Дальнейший анализ текста повести Дж.Д.Сэлинджера даст возможность конкретизировать и прецедентный текст.

В тексте повести "Franny" мы обнаруживаем два фрагмента, сходные по структуре, но отличающиеся тем, какие роли отведены персонажам. Так, в вышеупомянутой части разговора, когда Лейн с гордостью рассказывает о своем эссе, его высказывания прерываются "неуместными" репликами Фрэнни, которые демонстрируют у нее отсутствие интереса к словам собеседника, ср.:

"Oh," Franny said. She smiled. She sipped her Matini. "This is marvelous," she said, looking at

the glass. "I'm so glad it's not about twenty to one. I hate it when they're absolutely all gin." [Salinger 1982: 183]

"You going to eat your olive, or what?"

Lane gave his Martini glass a brief glance, then looked back at Franny. "No," he said coldly. "You want it?"

"If you don't," Franny said [Salinger 1982: 183].

Когда подобный разговор заходит в тупик и Фрэнни, после истерики в дамской комнате, возвращается за стол, выстраивается параллельная схема беседы, только при этом меняется "полярность" участников: Фрэнни увлеченно рассказывает о книге, духовного содержания, но ее слова прерываются репликами Лейна о содержимом его тарелки. Отметим сразу, что автор, на наш взгляд, вновь актуализирует заявленную когнитивную структуру, упоминая блюда французской кухни, ср.:

A moment later, he ordered the chicken sandwich and the glass of milk for Franny, and *snails, frogs' legs*, and a salad for himself [Salinger 1982: 190] (*выделено курсивом нами – Л.М.*).

Фрэнни рассказывает о книге "The Way of a Pilgrim", которая произвела на нее глубокое впечатление и привела к переосмыслению принципов духовной жизни. Фрэнни говорит увлеченно и видно, насколько затронутая тема важна для нее. Реплики Лейна и слова автора, описывающие его действия, относятся лишь к еде, ср.:

Lane had just shifted his attention from the frogs' legs to the salad [Salinger 1982: 196];

"Hold still," Lane said to a pair of frogs' legs [idem];

"I hate to mention it, but I'm going to reek of garlic," Lane said [Salinger 1982: 197];

"Sounds interesting. You don't want your butter, do you?" [Salinger 1982: 198];

Lane cut into his last pair of frogs' legs [idem];

Lane had finished eating [Salinger 1982: 199].

Как мы видим, реплики Лейна звучат абсолютным диссонансом с содержанием и пафосом слов Фрэнни. В то же время, этот разговор представляется "амальгамой" ситуацией, рассмотренной выше, когда Фрэнни прерывала рассказ своего приятеля сторонними репликами.

С точки зрения интертекстуальных связей, эти две параллельные схемы разговора могут быть рассмотрены как аллюзия на сцену разговора Родольфа Буланже с Эммой Бовари во время сельскохозяйственной ярмарки. Основанием для такого утверждения служит упоминание творчества и художественных методов Гюстава Флобера, что актуализирует соответствующую структуру знания в памяти читателя и способствует идентификации прецедентного текста. Рассмотрим подробнее сцену из романа "Госпожа Бовари" с тем, чтобы уточнить, на что опирается аллюзия в тексте Дж.Д.Сэлинджера и определить, каким способом прецедентный текст может быть идентифицирован.

Гюстав Флобер намеренно выстраивает параллельный дискурс персонажей – Родольфа Буланже, объясняющегося в своих чувствах, и председателя ярмарки, говорящего о достижениях в земледелии и скотоводстве – так, чтобы наглядно продемонстрировать диссонанс и пошлость происходящего²⁷, ср.:

From magnetism little by little Rodolphe had come to affinities, and while the president was citing

²⁷ Как отмечает В.В.Набоков, в этом эпизоде "Флобер собирает все мыслимые клише газетного и политического языка; но необходимо понять, что если официальные речи говорятся на штампованном газетном жаргоне, то романтическая беседа Родольфа и Эммы идет на штампованном романтическом жаргоне". Режим доступа <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekciipo-zarubezhnoj-literature/gospozha-bovari.htm>

Cincinnatus and his plough, Diocletian, planting his cabbages, and the Emperors of China inaugurating the year by the sowing of seed, the young man was explaining to the young woman that these irresistible attractions find their cause in some previous state of existence [Flaubert 2003: 150]²⁸.

Далее мы обнаруживаем еще более показательную сцену – псевдоромантические признания Родольфа перемежаются с репликами председателя ярмарки, присуждающего награды победителям выставки, ср.:

“Thus we,” he said, “why did we come to know one another? What chance willed it? It was because across the infinite, like two streams that flow but to unite; our special bents of mind had driven us towards each other.”

And he seized her hand; she did not withdraw it.

“For good farming generally!” cried the president.

“Just now, for example, when I went to your house.”

“To Monsieur Bizat of Quincampoix.”

“Did I know I should accompany you?”

“Seventy francs.”

“A hundred times I wished to go; and I followed you – I remained.”

“Manures!”

“And I shall remain to-night, to-morrow, all other days, all my life!”

“To Monsieur Caron of Argueil, a gold medal!”

“For I have never in the society of any other person found so complete a charm.”

“To Monsieur Bain of Givry-Saint-Martin.”

“And I shall carry away with me the remembrance of you.”

“For a merino ram!”

“But you will forget me; I shall pass away like a shadow.”

“To Monsieur Belot of Notre-Dame.”

“Oh, no! I shall be something in your thought, in your life, shall I not?”

“Porcine race; prizes – equal, to Messrs. Leherisse and Cullembourg, sixty francs!”

Rodolphe was pressing her hand, and he felt it all warm and quivering like a captive dove that wants to fly away; but, whether she was trying to take it away or whether she was answering his pressure; she made a movement with her fingers. He exclaimed –

“Oh, I thank you! You do not repulse me! You are good! You understand that I am yours! Let me look at you; let me contemplate you!”

A gust of wind that blew in at the window ruffled the cloth on the table, and in the square below all the great caps of the peasant women were uplifted by it like the wings of white butterflies fluttering.

“Use of oil-cakes,” continued the president. He was hurrying on: “Flemish manure-flax-growing-drainage-long leases-domestic service.”

Rodolphe was no longer speaking. They looked at one another. A supreme desire made their dry lips tremble, and wearily, without an effort, their fingers intertwined [Flaubert 2003: 152].

При сопоставлении приведенных текстов из романа Г.Флобера и повести Дж.Д.Сэлинджера мы можем в высокой степени вероятности говорить о том, что первый текст является прецедентным по отношению ко второму, который и содержит аллюзию. Принципиально

²⁸ Для наглядности сопоставления, цитаты взяты из перевода на английский язык романа "Madame Bovary".

важно, что фрагмент текста Дж.Д.Сэлинджера не является повторением сцены из романа "Госпожа Бовари", но аллюзией на нее. Поэтому нет необходимости выстраивать параллели между ситуациями и находит точные ситуации. Задача аллюзии нам видится в другом, а именно – в актуализация определенной структуры знаний (в данном случае, прецедентного текста) с целью ее новой интерпретации или даже переосмысления. Данный процесс можно сопоставить с когнитивным видением метафоры, которая, как отмечают исследователи, в частности [Чудинов, Будаев 2007: 54], служит средством введения новой категоризации в представление уже известных феноменов. Если согласиться с трактовкой прецедентного текста как определенной структурой знаний, то логическое объяснение получает присутствие в тексте повести "Franny" сопутствующих элементов, таких как упоминание автора (Флобера) и его творческого метода, "маркированных" блюд французской кухни и т.п. Таким образом, рамки актуализируемой структуры знаний расширяются и могут выходить за пределы конкретного прецедентного текста.

Как следствие, новое осмысление получают и другие элементы текста повести "Franny", в частности эпизод, в котором Лейн со скрытой гордостью говорит о высокой оценке, которую получило его эссе о творческом методе Флобера, и о намерении его опубликовать. Этот фрагмент может быть рассмотрен как аллюзия на фрагмент романа "Госпожа Бовари", когда перед началом сельскохозяйственной ярмарки г-н Оме рассуждает о своей значимости в качестве аптекаря и сообщает о том, что готовит к публикации свой трактат о сидре, ср.:

"... since I am a druggist—that is to say, a chemist. And the object of chemistry, Madame Lefrancois, being the knowledge of the reciprocal and molecular action of

all natural bodies, it follows that agriculture is comprised within its domain. And, in fact, the composition of the manure, the fermentation of liquids, the analyses of gases, and the influence of miasmata, what, I ask you, is all this, if it isn't chemistry, pure and simple?" [Flaubert 2003: 147];

"Would to God our agriculturists were chemists, or that at least they would pay more attention to the counsels of science. Thus lately I myself wrote a considerable tract, a memoir of over seventy-two pages, entitled, '*Cider, its Manufacture and its Effects, together with some New Reflections on the Subject,*' that I sent to the Agricultural Society of Rouen, and which even procured me the honour of being received among its members – Section, Agriculture; Class, Pomological. Well, if my work had been given to the public –" [idem].

Как мы видим, в прецедентном тексте присутствуют ключевые элементы, такие как высокая самооценка, намерение опубликовать свое сочинение, претензия на его значимость и др., которые также обнаруживаются в аллюзии.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что аллюзию следует трактовать не только как механический прием интертекстуального связывания двух текстов, но как способ актуализации соответствующей структуры знаний. Как следствие, актуализируемая структура знаний зачастую оказывается шире, чем конкретный прецедентный текст, а фрагмент текста, содержащий аллюзию, включает некоторые элементы, позволяющие адекватно идентифицировать прецедентный текст.

Литература:

1. Барт Р. Семиотика. Поэтика / Р. Барт // Избранные работы. – М., 1989.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Безруков А.Н. Поэтика интертекстуальности. Учебное пособие. – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. – 70 с.
4. Васильева Е.А. Функциональная специфика аллюзивных текстов: канд. дисс. СПб., 2011. – 140 с.
5. Войченко А.А. Об использовании культурных и исторических аллюзий в рекламе // Вестник МГУКИ. 2011. № 4 (42). – С. 119–122.
6. Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности; Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики. – М., 1989. – С. 186–207.
7. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. СПб.: Изд-во "КомКнига", 2007. – 282 с.
8. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). – С. 54–57.
9. Flaubert G. Madame Bovary. Penguin Books Limited, 2003. 335 p.
10. Salinger J.D. Nine Stories. Franny and Zooey. Raise High the Roof Beam, Carpenters. Moscow: Progress Publishers, 1982. 438 p.
11. Интернет-сайт Nabokov-lit.ru Режим доступа <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-zarubezhnoj-literature/gospozha-bovari.htm> (дата обращения: 14.05.2020).

Музафарова Л. Интертекстуальная аллюзия как средство актуализации структуры знаний. Аллюзия считается одним из основных средств интертекстуальной связи и проявляется в виде отсылки к более ранним текстам, которые определяются как прецедентные. Зачастую исследования аллюзии сводятся к поиску и идентификации прецедентного текста с последующей интерпретацией аллюзивного текста. В данной статье аллюзия рассматривается с позиций когнитивной лингвистики и определяется как способ актуализации определенной структуры знаний, частью которой является прецедентный текст.

Muzafarova L. Intertextual allusion as a means of a cognitive structure's actualization. Allusion is considered one of the main means of intertextual links and might be generally defined as a reference to precedent text(s). Studies devoted to allusion are often reduced to identifying of the precedent text for subsequent interpretation of the allusive text. This article deals with allusion in the perspective of cognitive linguistics and the author suggests defining it as a way to actualize a certain cognitive structure which includes the precedent text as well.